

ДЖОН ХОБЕРМАН

50 лет применения допинга и фармакологизация повседневной жизни¹

Культуры применения допинга. Нормальные люди и спортсмены

В современном обществе — как в области спорта высших достижений, так и за ее пределами — широкое распространение получили средства, повышающие физическую активность и трудоспособность². Но каким образом культура употребления допингов в спорте высоких результатов может объяснить рост применения гормонов и других медикаментов, повышающих физическую активность, в целом обществе? В какой степени употребление допинговых средств в спорте служит образцом для использования гормональных средств рядовыми гражданами, не преследующими спортивные цели, например в так называемой Anti-Aging-Therapie — «омолаживающей» медицине, которая сегодня применяется тысячами врачей в Германии и в других странах?

Совпадают ли конкурентные амбиции накачанных допингами высококлассных спортсменов с медицинскими или терапевтическими целями простых смертных? В какой мере спортсмен, добившийся рекорд-

¹ John Hoberman, Fünfzig Jahre Doping und die Pharmakologisierung des Alltagslebens. In: Klaus Latzel und Lutz Niethammer (Hg.), Hormone und Hochleistung. Doping in Ost und West. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2008, SS. 231 – 243.

² В данной статье ключевыми словами являются Leistung («физическая активность и выносливость», «продуктивность», «высшие или высокие достижения»), Leistungssport («спорт высших или высоких достижений»), Leistungssportler («спортсмен-профессионал», «профессиональный спортсмен», «спортсмен высоких результатов», «спортсмен-рекордсмен»), Leistungssteigernd («стимулирующий или повышающий физическую активность и выносливость», «тонизирующий»). Словосочетания, приведенные в скобках, используются для перевода этих слов как синонимические. — *Прим. перев.*

ных результатов, и средний человек готовы проявить сдержанность в этом отношении? Да и вообще откуда в современном обществе взяться стремлению к самоограничению? Где те социальные нормы, которые могли бы указать единую четкую границу? Где «границы», налагаемые здоровьем человека, или разумные границы для тела высококлассного спортсмена?

Внимание, которое сегодня приковано к допинговым практикам элитных атлетов, надежно скрывает тот факт, что миллионы людей дома, в школе и на работе принимают множество лекарств, повышающих тонус и физическую активность. У многих этих людей главная задача — достижение высокой производительности — уже вытеснила традиционную способность к самоограничению, которая, по идее, должна была бы воспрепятствовать применению наркотиков и других средств, повышающих тонус, если не преследуются терапевтические цели.

Помимо безбрежного злоупотребления наркотиками в среде атлетов, за последние 50 лет возникла прочная традиция использования допингов на рабочем месте: водители-дальнобойщики принимают амфетамины, горняки в Андах жуют листья коки, исполнители классической музыки глотают таблетки бета-блокаторов, а полицейские, тюремные служащие и швейцары — стероидные препараты. *Прозак, риталин, кокаин* или метамфетамин помогают ощущать прилив энергии и уверенность в себе на работе; новый психостимулятор *модафинил (провигил)* для студентов и водителей грузовиков, напитки *Red Bull* и другое питье с повышенным содержанием кофеина повсюду используются на рабочем месте как тонизирующие средства — «тоники».

Широко распространено некорректное употребление тестостерона и человеческих гормонов роста (к примеру, в *Anti-Aging-терапии*), но в случае гормонов роста оно запрещено законом в США³. Сколько рецептов выписывается, чтобы подстегивать трудоспособность на рабочих местах, получение которых в сильной степени связано с конкуренцией? Чем пристальней мы вглядываемся в методы атлетов, употребляющих допинг, тем яснее становятся их прагматические цели. В этом они похожи на многих других честолюбивых людей, желающих получить преимущество перед конкурентами. Согласны ли спортивные медики и обычные врачи с прогнозами, которые сулят рост употребления гормонов? С другой стороны, чем отличается допинговая культура, бытующая среди спортсменов, которые показывают рекордные результаты, от практики использования гормонов среднестатистическими гражданами? Может ли анализ допинговой культуры помочь нам в понимании того, почему современные общества мирятся с такими амбивалентными установками в отношении наркотиков? Ответы на эти

³ Perls, Thomas et al., Provision or Distribution of Growth Hormone for Antiaging. In: Journal of the American Medical Association 294, 2005, 2086–2090; Growth Hormone for Antiaging—Reply, in: Ibid., 295, 2006, 889–890.

вопросы помогут дать прогноз о будущей роли гормональных продуктов и других медикаментов в XXI веке.

Исследование допинговой культуры в спорте высоких достижений в этом отношении полезно, поскольку в ней отражаются чисто биомедицинское тщеславие современной науки и медицинские притязания множества людей, не являющихся профессиональными спортсменами. Олимпийский спорт может рассматриваться как гигантский эксперимент⁴. Вместе с тем мы узнаем, что мир труда, ориентированный на высокую трудоспособность и производительность, мало отличается от мира спорта. На рабочем месте уровень производительности является решающим фактором и повышение его считается признаком успеха. Разрешенные методы, повышающие производительность, встречаются даже чаще, чем в спорте, где антидопинговые правила исключают целый ряд способов повышения результатов.

Эти эксперименты на человеческом организме проводились в то же время, что и более привычные формы медицинских опытов. В прошлом столетии спортивная медицина развивалась параллельно общей медицине как вторая медицинская вселенная, в которой нормой стало нащупывание пределов человеческих возможностей⁵. Следовательно, эксперименты и повышение производительности суть родственные модификации научного проекта, цель которого — расширить границы человеческих способностей.

Совместимость этих научных и спортивных амбиций указывает на то, что спортивно-медицинские эксперименты репрезентативны для широкого спектра исследований, призванных повысить телесные способности человека. Эти эксперименты аналогичны исследованиям, проводимым в спортивной науке, и одновременно выходят за рамки ее целей. Сегодня спортсмен, способный на рекордные достижения, считается образцом, предстающим перед общественностью как олицетворение триумфа научного исследования. Профессионального велогонщика, находящегося под строгим контролем и обслуживаемого целой командой врачей, тренеров, диетологов, психологов и массажистов, можно считать и своего рода пациентом, и героем в глазах масс⁶.

Обыкновенного человека и спортсмена-рекордсмена роднит тщеславное желание развить свои физические способности. Большинство американцев, принимающих стимулятор *риталин*, — это женщины, которые лечатся от синдрома дефицита внимания (*Attention Deficit Disorder, ADD*). Один исследователь пишет об этом средстве: «Самая большая

⁴ Hollmann, Wildor, Risikofaktoren in der Entwicklung des Hochleistungssports. In: Rieckert, H. (Hg.). Sportmedizin-Kursbestimmung. Deutscher Sportärztekongress, Kiel, 16–19. Oktober 1986, Berlin 1987, 15.

⁵ Hoberman, John, Sterbliche Maschinen. Doping und die Unmenschlichkeit des Hochleistungssports. Aachen 1994.

⁶ Hoberman, John, Testosterone Dreams. Rejuvenation. Aphrodisia. Doping. Berkeley 2005, 194–213.

проблема этих женщин состоит в том, что они ставят планку слишком высоко. Всего этого невозможно достичь без средств, повышающих физическую активность»⁷.

Спортивный мир и его допинговая культура представляют собой общественную и одновременно медицинскую лабораторию. Эта «лаборатория» позволяет нам делать прогнозы об огромном рынке гормонов, применяемых обычными гражданами, — рынке, который образовался за пределами стадионов, где профессиональные спортсмены употребляют запрещенные средства, повышающие физическую активность и выносливость. Важно отметить, что профессионалы рассматривают прием этих средств как свое законное право.

Современное общество и современный спорт допускают и поощряют применение самых различных форм допинга, поскольку они согласны с поставленной целью — добиваться предельной производительности. В то время как методы использования допинга простыми людьми все больше уподобляются практикам, которыми пользуются профессиональные спортсмены, право профессионалов на употребление допинга становится приемлемым для всего общества⁸. Наклеивать ярлык наркозависимого пациента на потребителей анаболиков становится все труднее, поскольку люди исходят из того, что злоупотребление наркотиками порождает личностей с физическими и душевными нарушениями, которые утратили интерес к преследованию полезных для общества и экономики целей. Отсутствие общественного осуждения использования допинга профессиональными спортсменами указывает на все более терпимое отношение к тому мнению, что профессионалы являются полезными гражданами, а то, что они пользуются медикаментами, — это скорее их частное дело, а не тема для публичного обсуждения.

Применение гормонов в спорте высших достижений может рассматриваться как авангардистская форма «либертарианской» фармакологии, которая поощряется всем обществом, подстегиваемым рекламой фармакологической промышленности. Этот вид фармакологической практики стал возможным благодаря медикам, стремящимся выйти за пределы традиционных норм школьной медицины⁹. Нарушающий нормы спортивный медик, который прописывает средства, повышающие физическую активность, представляет собой прототип ориентированного на прибыль («коммерческого») медика, который предлагает в наши дни гормонозамещающую терапию своим «нормальным» пациентам.

Элитные спортсмены, привыкшие получать в любое время и без проблем стимуляторы, повышающие физическую активность, — это пионеры, которые идут впереди обычных граждан, употребляющих гормоны.

⁷ Diller, Lawrence, цит. по: Amanda Ripley, Ritalin: Mom's Little Helper, Time, 12.02.2001, 73.

⁸ Hoberman. Testosterone Dreams, 214–238.

⁹ Hoberman, John, Sports Physicians and the Doping Crisis in Elite Sport. In: Clinical Journal of Sportmedicine 12, 2002, 203–208.

Сегодня без стимуляторов не обходится множество людей, чья работа не связана со спортом. Повылся спрос на гормоны, которые применяются не для повышения физической активности в спорте, а для усиления половой функции или повышения производительности и выносливости на рабочем месте. Обусловленный работой прием стимуляторов позволяет нам предсказать, как будут реагировать прочие наемные работники на стрессовые ситуации на рабочем месте. Смогут ли они противостоять такому использованию наркотиков?

Допинг

Допинг — это неконвенциональный или по крайней мере необычный метод повышения умственных или физических способностей человека. Это часть такого образа жизни, при котором высшая ценность заключается в максимальных достижениях, а смысл — в повышении их. Как еще можно описать отношение между допингом в спорте высших достижений и методами повышения физической активности и выносливости, применяемыми во всем обществе?

Идущая во всем мире дискуссия о применении допинга в спорте высших достижений обогатила общественность терминами, связанными с использованием допинга в спорте, а также набором наиболее распространенных понятий, относящихся к допинговой тематике. Речь идет о двух параллельных мирах — о мире спорта высших достижений и об обществе в целом, которое мы будем называть обществом, нацеленным на высшие достижения. В сфере достижений и продуктивности эти параллельные миры сближаются. Они пересекаются в той области, где доминируют принцип высших достижений и базисная идея конкуренции. Широко распространено представление, согласно которому жизнь — это конкуренция. Методы, повышающие физическую активность и выносливость, могут поэтому рассматриваться как вполне законные. И у многих людей отсутствует всякое чувство того, что подобные методы бесчестны или аморальны.

Но другие люди думают иначе. По их мнению, нечестно применять определенные средства. Рассмотрим пример такого взгляда на проблему: прием определенного лекарства превращает жизнь в нечестную игру. В своем новаторском бестселлере «*Слушая прозак*» (Listening Prozac, 1993) американский психиатр Питер Крамер рассказывает о молодой женщине, которой ее психиатр прописал *прозак*. Она спросила: «Это не похоже на прием анаболиков?»¹⁰

Опасение этой пациентки связано с дилеммой, которая глубоко укоренена в современной медицине. В области психофармакологии часто встречается сближение терапевтических целей и целей, связанных со стимулированием физической активности. Прозак, будучи лекар-

¹⁰ Kramer, Peter D., Listening to Prozac. A Psychiatrist Explores Antidepressant Drugs and the Remaking of the Self. New York 1993, 248.

ством, отпускаемым по рецепту, считается препаратом, применяемым в качестве антидепрессанта при лечении депрессии, а в отдельных случаях он поднимает у пациентов настроение. Для таких пациентов *прозак* — большая удача. Психиатру Крамеру, однако, стало ясно, что этот препарат может действовать и как своего рода стимулятор. У некоторых людей психофармакологические средства повышают уверенность в себе, что может рассматриваться как положительное качество в профессиях или других межличностных отношениях, где большую роль играет способность показать себя с лучшей стороны.

Оказалось, что темы высших достижений и конкуренции тесно связаны с этой «терапевтической» целью. «Некоторые люди, — пишет Крамер, — могли бы предпочесть фармакологическую самореализацию психологической. Психические стероиды для духовной гимнастики». Он говорит об употреблении антидепрессантов в качестве «стероидов для экономической олимпиады»¹¹. Сравнение обоих препаратов указывает на то, что для обычной публики анаболики стали основной метафорой принципа высших достижений.

Лазерная хирургия глаза

Допинг в повседневной жизни состоит из целого ряда практик. За последние годы понятие высших достижений, высокой продуктивности существенно расширилось. Достижение «высокой продуктивности» все больше пересекается с целями терапевтических методов, которые иногда неотличимы от методов повышения физической активности и выносливости. К распространенным методам относится лазерная хирургия глаза, способная улучшить зрение как обычных людей, так и профессиональных спортсменов. Различаются только мотивы этих двух групп. Для среднего гражданина хирургия заменяет очки и призвана служить эстетическому улучшению внешнего облика. А спортсмен-профессионал думает о другом. В некоторых видах спорта улучшенное зрение может дать ему большое преимущество. Например, игроку в гольф способность различать мельчайшие детали на газоне облегчает точное попадание мячом в лунку. Самый высокооплачиваемый гольфист Тайгер Вудс и 30 других игроков в гольф прооперировались у одного американского офтальмолога, чтобы обеспечить себе такое преимущество в остроте зрения¹².

Легендарная острота зрения элитной группы американских бейсболистов уже давно связывается с их способностью особенно отчетливо «взять на прицел» брошенный им («поданный») мяч перед тем, как отбить его битой. Некоторые бейсболисты-профессионалы сделали себе такую операцию¹³.

¹¹ Ibid., 15, 246.

¹² Galewitz, Phil, Laser-Sharp Vision. Austin American-Statesman 16.04.2000.

¹³ Saletan, William, The Beam in Your Eye. Slate.com, 18.04.2005.

Полицейский допинг

Одна из странных аномалий в антистероидной кампании двух прошлых десятилетий в США заключалась в том, что игнорировались многочисленные сообщения об использовании стероидов сотрудниками полиции в США и других стран. Точно не известное, но явно значительное число полицейских импортировало, добывало с помощью контрабанды, продавало и употребляло в этот период анаболические средства¹⁴.

Запрет на применение полицейскими анаболических средств кажется логичным, ведь эти препараты вызывают сверхагрессивное поведение. Но если задуматься о том, что эти лекарства используют полицейские и другие мужчины, чья профессия требует наличия незаурядной физической силы и уверенности в себе, то нам придется проверить истинность обоих взаимоисключающих аргументов, чтобы решить — узаконить или запретить использование стероидов в правоохранительных органах. Аргумент, основанный на функциональности, гласит, что физическое и психологическое воздействие стероидов идет на пользу безопасности полицейских, а потому и общественной безопасности в целом. С другой стороны, его противники утверждают, что и физическое, и эмоциональное воздействие препаратов подвергает опасности общественность, и сотрудники полиции, употребляющие такие средства, рискуют совершить тяжкие правонарушения под воздействием этих лекарств.

Во всем мире множество мужчин применяют стероиды, поскольку для их профессии или для совершения ими криминальных действий необходимы физическая сила и уверенность в себе. К примеру, согласно докладу Скотланд-Ярда 1996 года, полицейские, пожарные, военнослужащие и сотрудники частных охранных фирм отнесены к потребителям стероидов¹⁵. В Австралии этот список замыкают служащие тюрем и члены элитных боевых частей. В отношении последних в 1998 году выяснилось, что они «употребляют стероиды для повышения выносливости и самоуважения и для быстрой реабилитации после ранений»¹⁶. В Австралии и некоторых европейских странах швейцарцы используют средства, вызывающие *frilled neck lizard response* («реакцию плащеносной ящерицы») — своего рода «животную ярость», для того чтобы припугнуть строптивых клиентов¹⁷.

¹⁴ Hoberman, John, *Dopers in Uniform. Cops on Steroids*. Опубликовано 22.05.2005 in: <http://www.mesomorphosis.com/articles/hoberman/cops-on-steroids.htm> (обращение 13.02.2008); Swanson, Charles / Gaines, Lary, *Abuse of Anabolic Steroids*, FBI Law Enforcement Bulletin, August 1991.

¹⁵ Gillon, Doug, *Questions for House — 'Explosion' in Numbers Abusing Steroids*. Glasgow Herald, 15.04.1996.

¹⁶ Элитных солдат обвиняют в «раскрытом полицией использовании наркотиков». Sydney Morning Herald, 24.07.2002.

¹⁷ Dunn, Mark, *Three groups pinpointed as steroids users*. Herald Sun (Australia), 18.07.2003.

В качестве препаратов, повышающих агрессивность, стероиды используются и уголовниками. В Осло бандиты из группы «Торпеды» принимают смеси из стероидов и амфетаминов, чтобы прийти в психопатическое состояние, облегчающее им убийства и избияния своих жертв¹⁸. Члены датской банды байкеров, чтобы войти в раж перед «гангстерскими войнами», кладут под язык капсулы с метил-тестостероном¹⁹. Подобные примеры нелегального использования стероидов указывают на то, сколь мало нам известно о социальных последствиях торговли на черном рынке, который обслуживает мировой рынок мужчин, натренированных на action, и включает в себя растущее число клиентов из атлетов-любителей всех возрастов.

И наконец, в нашем обществе распространено весьма амбивалентное отношение к гормональным препаратам для мужчин, приносящим ощутимую пользу. То, что в последнее время общество примирилось с культуризмом, с его почитанием мускульной силы и его аурой само совершенствования, говорит о несомненном, хотя и скрытомприятии синтетических препаратов тестостерона и достигаемого благодаря им результата — от формирования красивого тела с выпуклыми грудными мышцами и до уверенности в своих возможностях в области секса. Аналогичным образом множество спортивных болельщиков стали относиться к допингу как к приемлемому средству для повышения физической активности у спортсменов, что позволяет последним добиваться таких спортивных результатов, которые хотят видеть зрители. Кстати, в популярных терапевтических методах омоложения используются те же средства, за применение которых полицейский мог бы угодить за решетку.

Военный допинг

Можно предположить, что военные исследователи давно занимаются областью предельных возможностей человека. К примеру, было бы удивительно, если бы Управление перспективных исследований и разработок министерства обороны США не проводило, помимо прочего, испытания анаболиков на солдатах в боевых условиях.

Многие принимают наркотики в боевой обстановке. Амфетамины в виде *per pills*, «таблеток для бодрости», были известны уже давно и применялись во всех крупных армиях во время Второй мировой войны. После этого амфетамины использовались также летчиками в ходе Вьетнамской войны и войны в Персидском заливе. Хотя офицеры военно-воздушных сил отрицают тот факт, что они заставляли пилотов принимать эти средства, имеются однозначные указания на то, что

¹⁸ Torpedomilje hardner. Aftenposten (Oslo), 7.II.2000.

¹⁹ Интервью с одним датским врачом, имеющим большой опыт в допинговой области. Odense, Dänemark, 14.01.2005.

это не так. Неудивительно, что офицеры не хотели бы признать, что открыто и недвусмысленно одобряли прием наркотиков их подчиненными. Осуждение этих средств правительственными органами приводит к сокрытию такой практики. Такая «саморегуляция» допинга поразительно напоминает неоднократно осуждавшиеся действия профессиональных велогонщиков.

В 1998 году австралийские власти оказались перед такой же дилеммой. Большое число солдат элитного подразделения принимали анаболики. Власти отреагировали на это разрешением на использование данных средств и выпустили соответствующие инструкции по их применению. Они утверждали, что использование этих средств повышают шансы их солдат на выживание в бою. В 2002 году высокопоставленный офицер высказал сомнения по поводу употребления солдатами незаконных стимуляторов и прежде всего анаболиков. Газета Sydney Morning Herald сообщила, что эти военнослужащие принимали анаболики, чтобы превратиться в настоящую гору мышц, повысить выносливость и уверенность в собственных силах и поскорее восстанавливаться после ранений²⁰. Такие разговоры о якобы рациональном использовании анаболиков могли бы привести к введению обязательного приема наркотиков. Неудивительно, что другой высокопоставленный офицер считал своим долгом заявить, что употребление анаболиков скорее снижает физическую активность («фитнес») солдата, чем повышает ее. Это высказывание может рассматриваться как триумф политкорректности в области допинговой политики.

На судебном процессе против частной охранной фирмы Blackwater Worldwide, возбужденном одной американской юридической фирмой, выяснилось, что четверть сотрудников компании принимало анаболики. Важность этого сообщения состоит в признании того, что анаболические препараты могут влиять на способность принятия адекватных решений и повышать агрессивность. Незадолго до этого именно сотрудники Blackwater Worldwide устроили бойню среди иракских гражданских лиц²¹.

Академический допинг

Проблемы, которые усложняют определение легального и нелегального употребления определенных наркотиков в области спорта и за его пределами, были выявлены в 1960 году президентом Американского колледжа по спортивной медицине.

Этот медик высказался по поводу «парадоксальной», на его взгляд, «позиции многих преподавателей: использование таких психостимуляторов, как кофеин и амфетамин, признано допустимым при подготов-

²⁰ Elite soldiers face charges as police uncover drug use. Sydney Morning Herald, 24.07.2002.

²¹ Blackwater guards pumped on steroids, lawsuit alleges. CNN.com, 27.11.2007.

ке к экзаменам и интеллектуальным конкурсам, но применение тех же субстанций в спортивных соревнованиях считается недопустимым»²².

В самом деле, преподаватели даже не обратили внимания на академический допинг, применение которого происходило на их глазах. Цель этого применения состояла в том, чтобы повысить умственную активность, хотя на менее серьезных соревнованиях, проходящих на спортплощадке, действовал принцип *fairness* — принцип честной игры.

В последние годы в США широкое распространение получил феномен, который можно было бы назвать «академическим допингом». В настоящее время невозможно с уверенностью сказать, сколько студентов применяют допинговые препараты. Но ясно, что бесчисленные студенты в американских университетах стремятся таким путем улучшить свою академическую успеваемость. Студенты утверждают, что эти средства повышают способность сосредоточиваться на содержании занятий. В студенческих общежитиях процветает нелегальная торговля психостимуляторами типа *риталин* и *аддерал*, которые должны отпускаться только по рецептам, причем эти лекарства как раз и используются в лечении ADD — синдрома дефицита внимания. Разумеется, в данных обстоятельствах мы не можем установить, в самом ли деле этот вид «мозгового допинга» является эффективным. Здесь мы имеем дело с неконтролируемым экспериментом, в котором, по всей вероятности, участвуют готовые на все врачи. В таких обстоятельствах руководство университетов фактически бессильно. Если бы эти студенты были спортсменами, им бы обязательно пришлось проходить допинговое тестирование. Так что же получается, что надо всех студентов подвергать тесту на «мозговой допинг»?

Ирония истории. Почему нельзя стимулировать мыслительные способности? Ведь, по идее, это и есть главная цель высшего образования. Или в этой практике видят своего рода академический обман? Сегодня в области мозгового спорта — шахмат — проводится допинговая проверка профессиональных игроков. Каким образом можно оценить предполагаемые преимущества в продуктивности в этих родственных конкурентных сферах? Является ли победа в профессиональных шахматах более (или менее) ценной, чем возможность изучать право или медицину в каком-либо элитном университете? Заинтересованы ли современные общества в поощрении — без ограничений и с чистой совестью — определенных существенных достижений, если менее важные достижения подвергаются фармакологическому контролю и осуждаются при обнаружении даже следов допинговых субстанций? Вплоть до сегодняшнего дня современные общества, ориентированные на высокую производительность, так и не разрешили этот парадокс. Короче говоря, мы оказались в ловушке этой роковой дилеммы.

²² Hyman, Albert Salisbury, Use of Drugs in Sport (Letter). New York Times, 12.09.1960.

Неофициальные высказывания в одном из интернет-чатов в 2005 г. показывают, что эта тема волнует и молодых людей в Германии. Один из участников дискуссии спрашивает: «Можно ли для улучшения интеллектуальных способностей использовать метилфенидат (его различные названия, например, медиклинет, риталин)?.. Проблема всем известная: после 4–8 часов зубрежки и долбежки учебников мозги вянут. Окно для приема информации закрывается. Было бы клёво найти какое-нибудь средство против этого...»²³ Другой молодой ученый ответил ему, что «там, в Штатах, сделали метилфенидат, который позволяет юзеру концентрировать внимание до 48 часов (!)» — при отсутствии нежелательных побочных эффектов. Но тот же участник напоминает ему: «Насколько высоко ты взлетаешь, настолько же низко падаешь» — уклониться от неизбежного физиологического наказания невозможно. Этот оптимист сомневается в необходимости средств, повышающих продуктивность, поскольку «все, что сделано человеком, или все, чего он хочет достичь, сконструировано так, что и это тоже достигается человеком за свой счет! А значит: толку нет жульничать, плутишка...»²⁴

Любопытно, что этические сомнения приводятся без возражений или без порицающих замечаний со стороны академического руководства. Даже молодое поколение, которое вынуждено приспособливаться к экспансии фармакологического мира, в состоянии поверить в то, что высокие результаты в университете могут основываться на жизни без допинга. В США за последние годы потребление медикаментов, отпускаемых по рецептам, значительно возросло, а повышение продуктивности как цель многих потребителей значительно перекрывает традиционные терапевтические цели. Поэтому кажется удивительным, когда подрастающее поколение не исходит из того, что подобные средства обязательно должны быть эффективными стимуляторами продуктивности. И действительно, в США имеются доказательства того, что пользующийся большим спросом *риталин* чаще применяется более слабыми студентами, — средняя успеваемость и употребление психостимуляторов говорят об этом²⁵. К тому же вероятность того, что эти средства употребляются студентами, связана с академической средой и ее требованиями. Более высокое конкурентное давление и стресс создают в элитных университетах климат, в котором студенты все больше склоняются к применению стимуляторов. В этом смысле поведение студентов соответствует поведению медикаментозно-зависимых людей на многих неакадемических рабочих местах.

²³ <http://www.team-andro.com/phpBB2/topic.1106.-methylphenidat-zur-leistungssteigerung.html> (обращение 20.12.2007).

²⁴ Ibid.

²⁵ McCabe, Sean Esteban, et al. Non-medical use of prescription stimulants among US college students: prevalence and correlates from a national survey. In: *Addiction* 99, 2005, 96–106; Kadison, Richard, Getting an Edge — Use of Stimulants and Antidepressants in College. In: *New England Journal of Medicine*, 15.09.2005, 1089–1091.

Тестостерон для женщин

Современную маркетинговую кампанию по сбыту таких препаратов на основе тестостерона, как интринза-пластырь и мазь либигель, для лечения женских сексуальных функциональных расстройств следует рассмотреть в более широком историческом контексте²⁶. С учетом короткой памяти наших СМИ не следует удивляться, что история этой гормональной терапии почти нигде не тематизируется. Но важно узнать кое-что об истории применения тестостерона для женщин, чтобы взвесить потенциальные пользу или опасности, которые, как утверждают сегодняшние медики и бизнесмены от фармакологии, им известны. Кроме того, знакомство с историческими точками зрения на применение мужских гормонов для лечения «фригидных» женщин поможет сделать важные выводы. При этом можно узнать, как получилось, что интимный сексуальный опыт обобщается якобы научными методами.

Современная оценка «женских сексуальных функциональных расстройств» как заболевания, поддающегося лечению, переносит нас в 1998 год, когда началась кампания по продвижению виагры, используемой против «эректильной дисфункции». Сенсационный успех виагры вызвал дебаты относительно равноправия полов. Если пожилые мужчины могут претендовать на пилюли для секса, то и пожилые женщины также имеют право на равноценную терапию. Но обязательные клинические испытания, во время которых женщины получали виагру, принесли разочарование. Как исследователи, так и пациентки столкнулись с простым (однако успокоительным) фактом, что женская сексуальная реакция сложнее протекающего фактически по законам гидравлики процесса, приводящего к эрекции. (Тот факт, что и мужская сексуальная реакция является более сложной и не сводится только к эрекции, по-видимому, ускользнул от многих потребителей знаменитых голубых пилюль.)

Соблазнительный рынок женских сексуальных стимуляторов побудил врачей и ученых признать, сколь мало им известно об анатомии женских половых органов и о реакции этих органов на различные формы стимуляции. Это осознание сложности человеческих сексуальных реакций не смогло, однако, дискредитировать представление, будто фармакологическое решение проблемы слабого либидо только и ждет, чтобы его нашли.

Санкционированный обществом возврат к лечению женщин тестостероном был вызван ростом положительного отношения к гормонозаместительной терапии как омолаживающему средству для того сектора взрослого населения, который готов за это платить и мириться с риском неконтролируемого эксперимента. Стремление к определен-

²⁶ Hoberman. Testosterone Dreams, 53–54; Moynihan, Ray, The marketing of a disease: female sexual dysfunction. In: British Medical Journal 330, 22.01.2005, 192–194.

ному стилю жизни стареющего поколения бэбибумеров включает претензию на пожизненное сексуальное удовлетворение. Поскольку отсутствуют всякие культурные сдержки, которые могли бы быть противопоставлены этому тщеславному желанию, то тестостероновая терапия для «женских сексуальных функциональных расстройств» — в лучшем случае это сомнительная диагностическая категория — ждет только решающего соглашения между фармакологическим бизнесом и Управлением по контролю за качеством пищевых продуктов, медикаментов и косметических средств министерства торговли США. Это соглашение может похоронить тему медицинской безопасности и дать зеленую улицу свободному применению данной «терапии».

Перевод с немецкого Алексея Григорьева